

ЛЮБИМАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

ЛЮБИМАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

АГАТА
КРИСТИ

ПОСЛЕ
ПОХОРОН

МОСКВА
2019

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
К82

Agatha Christie
AFTER THE FUNERAL
© 1953 Agatha Christie Limited
All rights reserved

AGATHA CHRISTIE, POIROT and the Agatha Christie Signature are registered trade marks of Agatha Christie Limited in the UK and elsewhere. All rights reserved
Agatha Christie Roundels Copyright © 2013 Agatha Christie Limited. Used with permission
<http://www.agathachristie.com>

Художественное оформление *Андрея Саукова*
Иллюстрация на обложке *Филиппа Барбышева*

Кристи, Агата.
К82 После похорон / Агата Кристи ; [пер. с англ. А. С. Петухова]. — Москва : Эксмо, 2019. — 320 с.

ISBN 978-5-04-101851-1

Съехавшиеся на похороны миллионера-холостяка родные и близкие делят наследство. Причины смерти определены врачами как естественные. Однако адвоката семьи настораживает фраза, брошенная одной из родственниц: «Но ведь его же убили, нет?» А следующей ночью женщину, произнесшую эти слова, зверски убивают топором. Адвокат в замешательстве. Разумеется, ни о каком оглашении последней воли усопшего в такой ситуации не может быть и речи. Наконец он приходит к выводу, что только великому сыщику Эркюлю Пуаро по силам вычислить убийцу среди многочисленной родни...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-101851-1

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

*Джеймсу,
в память о счастливых днях,
проведенных в Эбни*

Глава 1

I

Старик Лэнскомб ковылял из комнаты в комнату, поднимая шторы. Время от времени он поглядывал на улицу прищуренными и слезящимися глазами.

Скоро все они вернутся с похорон. Он зашаркал быстрее. В этом доме так много окон!

Эндерби-холл был громадным особняком, построенным в Викторианскую эпоху в готическом стиле. Шторы в комнатах были сделаны из когда-то роскошных, а ныне поблекших парчи и бархата, а на некоторых стенах все еще оставались куски выцветшего обивочного шелка. В зеленой гостиной старый дворецкий посмотрел на портрет Корнелиуса Эбернети, висящий над камином. Именно он и построил Эндерби-холл. Каштановая борода Корнелиуса агрессивно торчала вперед, а рука его лежала на глобусе — причем было ли это желание самого Эбернети или фантазия художника, сказать было сложно.

Агрессивный это был джентльмен, всегда думал про себя старый Лэнскомб и каждый раз радовался, что ему не довелось знать первого хозяина Эндерби-холла лично. Вот сэр Ричард был совсем другое дело! Отличный хозяин. И так неожиданно ушел, хотя доктор и лечил его — правда, совсем недолго... Конечно, хозяин так и

не смог пережить смерть молодого мистера Мортимера. Старик покачал головой и прошаркал в Белый будуар. Это было совершенно ужасно — настоящая катастрофа. Такой прекрасный молодой джентльмен, такой здоровый и сильный... Невозможно было представить себе, что с ним может случиться нечто подобное. Жаль, очень жаль. И мистера Гордона убили на войне. Все одно к одному. Так все в нынешнее время и происходит. Вот для хозяина это и оказалось чересчур. И все-таки еще неделю назад с ним все было в порядке...

Штора на третьем окне в Белом будуаре не хотела полностью подниматься. Она застряла. Пружины ослабли, не иначе, — шторы были слишком старыми, как и все в этом доме. А эти старые вещи в нынешние времена никто не умеет чинить. Все говорят, что они слишком старомодные, да еще и качают головами с видом глупого превосходства — как будто старые вещи не были гораздо надежнее, чем вся эта современная ерунда! Уж ему-то, Лэнскомбу, это хорошо известно! Обыкновенная мишуря, сделанная на скорую руку, — разваливается прямо у тебя в руках. И материал не тот, да и мастера уже не те. Да уж, это ему хорошо известно...

Со шторой ничего не сделаешь — придется идти за лестницей. А нынче взбираться по лестнице ему уже тяжело — голова сильно кружится. В любом случае сейчас не время заниматься ремонтом. Большого значения это не имеет, ведь окна Белого будуара не будут видны, когда машины возвратятся с кладбища, — а комнату в наши дни все равно никто не использует. Это ведь была женская комната, а женщин в Эндерби-холле не было уже давным-давно. Жаль, что мистер Мортимер не успел

жениться. Все время мотался в Норвегию на рыбалку, в Шотландию на охоту или в Швейцарию покататься на лыжах — вместо того чтобы жениться на какой-нибудь достойной девушке и завести наконец детей. Детей в этом доме тоже давно уже не было.

И Лэнскомб задумался о тех временах, которые так и стояли у него перед глазами, — их он помнил гораздо лучше, чем последние двадцать лет, которые были для него как в дымке. Он уже не мог разобраться, кто за эти годы появлялся в доме, а кто покидал его и как выглядели все эти люди. А вот старые времена помнил отлично.

Мистер Ричард всегда был для своих младших братьев и сестер как отец. Его-то отец умер, когда ему было всего двадцать четыре года, так что ему пришлось сразу же заняться семейным делом и каждый божий день, как по часам, отправляться в контору, чтобы содержать этот дом в достойном его порядке. А ведь это был счастливый дом, со множеством молодых людей и девушек, заполнявших его... Конечно, время от времени случались и ссоры, и вот тогда этим гувернанткам крепко доставалось! Лэнскомб никогда не любил гувернанток, считая их малодушными существами. Зато у молодых хозяек духу хватало сверх меры. Особенно у мисс Джеральдины. И у мисс Кору, хотя она и была намного моложе. А сейчас мистер Лео уже давно мертв, и мисс Лаура тоже. Мистер Тимоти превратился в настоящего инвалида, а мисс Джеральдина умерла где-то за границей. И мистера Гордона убили на войне. Хотя он и был самым старшим, мистер Ричард оказался самым крепким из них. Пережил их всех, хотя и не совсем — мистер Тимоти все еще жив, и мисс Кора, которая вышла за того неприят-

ного молодца. Дворецкий не видел ее уже двадцать пять лет, а ведь в те годы, когда она уехала с тем парнем, мисс Кора была очень хорошенькой. А теперь ее и не узнаешь — такая плотная и так вычурно одета! Ведь ее муж был французом или наполовину французом — а выход замуж за *них* никому еще не приносил счастья! Но мисс Кора всегда была, как говорят в деревне, *слегка простоватой*. В каждой семье есть такая.

А вот она *его* сразу же вспомнила. «Да это же старина Лэнскомб!» — сказала мисс Кора, и было видно, что ей приятно его видеть. В старые времена они все его любили, и каждый раз, когда в доме устраивался званый обед, все они собирались около буфетной, а он скармливал им остатки желе и шарлотки по-русски, которые выносили из столовой. Тогда все они знали старину Лэнскомба, а сейчас уже мало кто остался из тех, кто помнил те денечки. Только молодежь, которую он никогда по-настоящему не понимал и которая думала о нем как о простом дворецком, который живет в этом доме уже целую вечность. Слишком много чужих людей, подумал старик, слишком много их приехало на похороны, и выглядели они все довольно жалко!

Но, конечно, не миссис Лео — уж она-то была совсем другая! Они ведь с мистером Лео время от времени заглядывали сюда, после того как поженились. Приятная женщина эта миссис Лео — настоящая леди! Всегда прилично одета, с красивой прической и выглядит как должно. И хозяйину она всегда нравилась. Жаль, что у них с мистером Лео никогда не было детей...

Лэнскомб встряхнулся — что это он занялся воспоминаниями, когда еще так много надо сделать? Теперь,

когда на первом этаже все шторы были подняты, он велел Джанет заняться верхними комнатами и спальнями. Они с Джанет и кухаркой были на отпевании в церкви, но вместо того, чтобы ехать в крематорий, вернулись назад, чтобы заняться шторами и едой. Они, естественно, подадут холодный ланч. Ветчина, цыпленок, говяжий язык и салат. А на десерт — лимонное суфле и яблочный торт. Но сначала горячий суп. Надо проследить, чтобы он был у Марджори наготове — гости должны вернуться через минуту-другую.

Лэнскомб перешел на шаркающую рысь. Он бросил отсутствующий взгляд на портрет, висевший над камином в этой комнате, — парный тому, который висел в Зеленой гостиной. Прекрасное изображение белого атласа и жемчугов. А вот женщина, которую они окутывали, была ничем не примечательна. Кроткое лицо, крохотный яркий рот и волосы, разделенные на прямой пробор. Скромная и непритязательная женщина. Единственным фактом, о котором стоит упомянуть в связи с миссис Корнелиус Эбернети, было ее имя — Корали.

Прошло уже шестьдесят лет после появления на рынке мозольных пластырей «Корал» и сопутствующих им товаров, а они все еще пользовались популярностью. Никто не мог сказать, было ли что-то в этих пластырях такое уж выдающееся, но публике они нравились. Именно на фундаменте тех пластырей был построен сей дворец в неоготическом стиле с бесконечными акрами окружавших его садов. Именно доходы от тех пластырей обеспечивали семерых братьев и сестер и позволили мистеру Ричарду Эбернети умереть три дня назад очень богатым человеком.

II

На кухне, куда Лэнскомб заглянул со словами увещевания, его встретила кухарка Марджори. Она была еще совсем молодой — всего двадцать семь лет. Однако это не мешало ей быть постоянным раздражителем для старого дворецкого — уж слишком она была не похожа на все, что в его понятии определяло хорошую кухарку. У нее не было никакого достоинства, и она не испытывала никакого трепета перед его, Лэнскомба, положением. Часто она называла дом «настоящим мавзолеем» и жаловалась на громадные размеры кухни, посудомойки и кладовой, говоря, что «для того, чтобы их обойти, нужен целый день». В Эндерби эта женщина служила уже два года и оставалась здесь только потому, что деньги были хорошие, а мистеру Эбернети действительно нравилось, как она готовит. Она была прекрасной кухаркой. Джанет, которая стояла сейчас около стола, восстанавливая силы чашкой чая, была пожилой горничной, которая, хотя и цапалась с Лэнскомбом довольно часто, тем не менее всегда принимала его сторону в борьбе с молодым поколением, представленным Марджори. Четвертым человеком, находившимся в кухне, была миссис Джекс, которая «приходила», когда ее помощь была необходима, и которая сейчас наслаждалась похоронами.

— Это было великолепно, — сказала она, картинно шмыгнув носом и вновь наполняя свою чашку. — Девятнадцать машин и полная церковь; и каноник, на мой взгляд, так красиво провел службу.. И день такой хороший... Бедный, несчастный мистер Эбернети — та-

ких уже совсем немного осталось на этом свете! Ведь его уважали буквально все...

Послышался автомобильный сигнал, а затем раздался шум мотора: по подъездной аллее приближалась машина. Миссис Джекс поставила свою чашку и воскликнула:

— Вот и они!

Марджори включила газ под громадной кастрюлей, полной протертого куриного супа. При этом вся громадная кухня, памятник былому викторианскому величию, оставалась холодной и пустынной, как монумент давно прошедшим временам.

Машины подъезжали одна за другой, и люди в траурных одеждах вылезали из них и неуверенно проходили в просторную Зеленую гостиную. В большой металлической жаровне горел огонь — признак того, что наступили первые прохладные осенние денечки, — разожженный для того, чтобы позволить людям согреться после холода кладбища.

Лэнскомб вошел в комнату, предлагая шерри на серебряном подносе.

Мистер Энтвисл, старший партнер старой и уважаемой адвокатской конторы «Боллард, Энтвисл, Энтвисл и Боллард», стоял спиной к жаровне, стараясь согреться. Он взял предложенный бокал шерри, продолжая оглядывать собравшуюся компанию острыми глазами старого адвоката. Не со всеми присутствовавшими он был знаком лично, а ведь ему надо было, так сказать, рассортировать их. Представления, прозвучавшие перед отъездом на похороны, были поверхностными и поспешными.

Оглядев прежде всего старого Лэнскомба, мистер Энтвисл подумал про себя: «Бедняга сильно сдал — ведь

ему уже почти девяносто! Ну что же, он получит свою достойную ренту. Уж *ему-то* беспокоиться не о чем. Верная душа. Теперь таких слуг уже не осталось. Всех этих горничных и нянюшек... Боже, помоги нам всем! Какая грустная жизнь. Может быть, и хорошо, что бедняга Ричард умер именно сейчас, ведь жить ему было не для чего».

Для мистера Энтвисла, которому было семьдесят два, смерть Ричарда Эбернети в шестьдесят восемь была действительно преждевременной, с какой стороны ни посмотри. Энтвисл ушел на покой два года назад, но, как распорядитель завещания мистера Эбернети и в качестве дани уважения одному из своих старейших клиентов и личному другу, лично прибыл на север страны.

Вспоминая подробности завещания, он мысленно оценивал членов семьи.

Миссис Лео, Хелен, он, естественно, хорошо знал. Очаровательная женщина, которая ему нравилась и к которой он испытывал большое уважение. Юрист одобрительно посмотрел на нее, стоящую около окна. Черное ей шло. И фигура у нее прекрасно сохранилась. Мистеру Энтвислу нравились чистые линии ее лица, волосы, зачесанные за уши, и глаза, которые когда-то спорили в яркости с васильками, да и сейчас все еще оставались ярко-голубыми.

Сколько лет ей сейчас? Должно быть, пятьдесят один — пятьдесят два. Странно, что она так и не вышла замуж после смерти Лео. Такая привлекательная женщина... Хотя они были очень близки друг другу.

Потом взгляд юриста перешел на миссис Тимоти. Ее он никогда близко не знал. Черный цвет ей совсем не шел —

лучше всего она смотрелась бы в простой одежде из твида. Крупная женщина, благоразумная и трудолюбивая. Она всегда была хорошей и верной женой для Тимоти. Следила за его здоровьем, окружала его заботой, иногда, может быть, даже чересчур. Действительно ли Тимоти так болен? Мистер Энтвисл подозревал, что он — простой ипохондрик, и Ричард Эбернети, кстати, был того же мнения. «Конечно, в его бытность мальчиком у него была слабая грудь, — говаривал, бывало, он. — Но черт меня побери, если сейчас у него что-то серьезное». Что ж, у каждого должно быть свое маленькое хобби. Увлечением Тимоти была всепоглощающая забота о собственном здоровье. Верила ли во все это миссис Тим? Скорее всего, нет — правда, женщины никогда в этом не признаются. У Тимоти денег, должно быть, вполне достаточно. Он никогда не был транжирой. Хотя лишние деньги никогда не помешают, особенно сейчас, когда с налогами творится черт знает что. Вполне возможно, Тимоти пришлось значительно изменить свой образ жизни после войны.

Мистер Энтвисл перевел свое внимание на Джорджа Кроссфилда, сына Лауры. Лаура вышла за странного человека. О нем никто никогда почти ничего не знал. Сам он называл себя биржевым игроком. Молодой Джордж работал в конторе стряпчего — правда, компания была не очень уважаемой. Симпатичный молодой человек, хотя есть в нем что-то скользкое. Денег у него, скорее всего, немного. Лаура всегда была полной душой в том, что касалось инвестиций, поэтому, когда лет пять назад она умерла, после нее практически ничего не осталось. Она была хорошенькой романтической девушкой, но в деньгах не понимала ничего.

Мистер Энтвисл отвернулся от Джорджа Кроссфилда. Из этих двух девушек — кто есть кто? Ах да — вот это Розамунда, дочь Джеральдины, та, которая изучает восковые цветы на малахитовом столике. Хорошенькая девушка, можно сказать, даже красивая, но лицо глупое. Актриса. Все эти репертуарные театры и прочая ерунда. Вышла замуж за актера. Красивый мужчина, и прекрасно знает об этом, подумал адвокат, который имел сильное предубеждение против актерства как профессии. Интересно, кто он и откуда взялся...

И юрист с неодобрением посмотрел на Майкла Шайна с его светлыми волосами и грубоватым очарованием.

Вот Сьюзан, дочь Гордона, смотрелась бы на сцене гораздо лучше, чем Розамунда. В ней гораздо больше индивидуальности. Пожалуй, даже слишком много для обычной жизни. Она стояла совсем близко, и мистер Энтвисл незаметно осмотрел ее. Темные волосы, светло-карие, почти золотистые глаза, полный, привлекательный рот... Рядом с ней стоит ее муж, с которым они только что поженились, — помощник аптекаря, если он правильно понял. Вот уж воистину помощник аптекаря! Во времена мистера Энтвисла девушки не должны были выходить замуж за мужчин, которые работают за прилавком. Но сейчас все переменялось, и они выходили замуж за *кого попало*! Казалось, что этот молодой человек с песочными волосами и ничем не примечательным лицом чувствует себя не в своей тарелке. Сначала пожилой адвокат не мог понять почему, но потом решил, что на этого юношу произвело слишком сильное впечатление количество родственников его жены.

Последней, на кого обратил внимание мистер Энтвисл, была Кора Ланскене. И в этом была некая справедливость, потому что Кора была в семье последышем. Самая младшая сестра Ричарда, она родилась, когда их матери только что исполнилось пятьдесят. Бедная женщина не пережила своей десятой беременности (трое ее детей умерли в младенчестве). Бедная малышка Кора! Всю свою жизнь она была обузой для окружающих — росла высокой и неуклюжей, а кроме того, имела привычку время от времени выпаливать вещи, которые лучше бы никто не слышал. Все ее братья и сестры были к ней очень добры, стараясь нивелировать ее физические недостатки и исправлять ее ошибки в обществе. Никому и в голову не приходило, что Кора может выйти замуж. Она никогда не была привлекательной, а ее слишком пристальное и навязчивое внимание к молодым людям, посещавшим их дом, заставляло тех ретироваться в состоянии сильной паники. А вот уже потом, лениво вспоминал мистер Энтвисл, появился этот Ланскене — Пьер Ланскене, наполовину француз, с которым она встретилась в Школе изобразительных искусств, где брала уроки того, как правильно изображать цветы акварелью. Однако как-то раз Кора забрела в класс, где рисовали живую натуру, и там встретила Пьера Ланскене, после чего, вернувшись домой, заявила, что собирается за него замуж. Ричард Эбернети свадьбе воспротивился — ему совсем не понравился Пьер Ланскене, которого он считал обыкновенным охотником за богатыми невестами. Но пока он занимался изучением прошлого молодого человека, Кора сошлась с ним и выскочила за него замуж. Основную